

УДК – 398.1

DOI: 10.35330/1991-6639-2019-4-90-77-83

СПЕЦИФИКА КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ ТОПОНИМИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЙ

Б.А. БЕРБЕРОВ

Институт гуманитарных исследований –
филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
360000, Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: kbigi@mail.ru

На стыке фольклористики и географии автор статьи рассматривает гносеологический потенциал карачаево-балкарских топонимических преданий, в которых нашли отражение важные сведения об истории народа, миграции, религиозных верованиях, особенностях духовной и материальной культуры. По тематическому содержанию все топонимические предания подразделяются на четыре основные группы: натурогенные, антропоцентрические, религиозные и событийные. Под натурогенными понимаются предания, объясняющие геофизические особенности объекта. Антропоцентрические предания связаны с именем определенной исторической личности, имеющей непосредственное отношение к созданию культурного объекта. В религиозных преданиях отражены языческие, христианские или мусульманские верования горцев. Событийные топонимические предания, как правило, повествуют о каком-либо примечательном происшествии, запечатленном в названии природного или рукотворного объекта (скала, перевал, мост, брод и т.п.). Важное место в статье уделяется феномену топонимического палимпсеста, под которым подразумевается стихийное или прагматическое переименование топонимических единиц. Все теоретические положения в статье подкрепляются иллюстративным материалом. В ряде случаев автором использованы материалы из личного архива.

Ключевые слова: карачаево-балкарский фольклор, топонимика, предание, классификация, натурогенное, антропоцентрическое, теологическое, событийное, топонимический палимпсест, историческая память.

Процессы, связанные с глобализацией, выдвинули на передний план изучение региональных фольклорных традиций. Актуальность этого направления выдающийся отечественный ученый В.Я. Пропп предвидел и предрекал еще в конце XX века, подчеркивая, что «создание сравнительной фольклористики в мировом масштабе есть дело довольно далекого будущего. Для этого нужны предпосылки. Одна из них – полное овладение, прежде всего, национальным материалом» [6, с. 26].

В рамках пропповских рекомендаций автор данной статьи поставил перед собой цель – исследовать специфику карачаево-балкарских топонимических преданий. Как отмечает фольклорист Т.Г. Басангова, «характерная особенность топонимических сюжетов состоит в том, что они содержат, как правило, правдивые сведения о явлениях, случаях, фактах, именах и событиях, имевших место в историческом прошлом народа. Иногда такие предания по композиции представляют собой довольно растянутые рассказы, подробно излагающие события. С художественной стороны особый интерес представляют предания, рассказывающие об открытии той или иной местности, о происхождении их или иных названий, связанных с историческими лицами и событиями» [1, с. 27].

На самом деле вся географическая карта «планеты людей» – это огромный культурологический текст, повествующий о формировании племен, народов, их миграционных передвижениях, когнитивно-эмоциональном отношении к природным объектам (горам, рекам, морям, курганам др.), возведении культурных памятников, создании населенных пунктов,

увековечении имен выдающихся исторических лиц и т.д. При этом следует отметить отнесенность константность топонимических наименований: если одни из них на протяжении многих веков сохраняли и сохраняют свое первоначальное звучание, то другие уходят в историческое прошлое, уступая место новой номинации. Причиной тому – территориальные завоевания, мировые и локальные войны, смена среды обитания, освоение новых земель, обычай переименования культурных объектов и населенных пунктов по идеологическим соображениям политиков. Такого рода информационные наслоения принято называть «топонимический палимпсест» – «(от греч. *palimpsestos* – выскобленный для нового текста) рукопись на пергаменте, папирусе или коже поверх смытого или соскобленного текста. Благодаря выявлению первичных текстов палимпсеста стали известны не сохранившиеся в ином виде памятники древности» [2, с. 713]. Считаем, что этот феномен требует отдельного тщательного изучения ввиду его особого многоуровневого гносеологического потенциала.

Вопросы, связанные с карачаево-балкарской топонимикой, не обделены вниманием ученых. Те или иные аспекты этой проблемы освещены в трудах Б. Мусукаева [4], Х. Османова [5], Д. Таумурзаева [7], С. Хапаева [8] и других. Особо следует выделить фундаментальную работу карачаевского ученого С.А. Хапаева «Географические названия Карачая и Балкарии», куда вошли «названия рек, речек, родников, минеральных источников, озер, ледников, гор, вершин, скал, перевалов, населенных пунктов, жилых кварталов, зимних и летних пастбищ, загонов для скота, каналов, крепостей и т.д. и значительная часть микропонимов, имеющих определенное значение в исследовании природы, истории, языка и культуры, потенциально существующих географических объектов или же другие названия, которые имеют географическую привязку к той или иной конкретной местности» [8, с. 14].

Наша задача – с опорой на названные труды и свои полевые записи обобщить топонимические предания карачаевцев и балкарцев, выявить определенные закономерности появления как этих фольклорных текстов, так и самих геоландшафтных номинаций. Конкретно-событийная основа собранного нами фольклорного материала позволяет сделать тематическую классификацию и выделить четыре основные группы.

В первую группу входят предания, в которых отразились географические особенности местности или природного объекта. Чаще всего в «народной этимологии» горцев атрибутивными единицами при наименовании гор, скал, рек выступают прилагательные «белый», «черный», «красный», «желтый» и т.д. Другими словами, визуальное впечатление в механизме имяназвания является первостепенным. Примеры: «Акь-къяя» – белая скала, «Къарасу» – черная река, «Сары-тюз» – желтая долина, «Къашха-тау» – «лысая гора» и т.д.

Вместе с тем имеются топонимы, которые стали итогом рекогносцировки местности, соизмерения ее качеств с потребностями человека. Именно такая идея положена в название карачаевского селения Терезе, что в переводе означает «окно». Согласно топонимическому преданию, записанному нами со слов С.Т. Айбазовой (р. 1935), «в начале XX в. группа молодых людей из Учкулана решила освоить новые земли на равнине, они долго шли по густому лесу среди зарослей почти в беспросветном пространстве. Неожиданно перед ними расступились деревья, и они увидели яркое солнце. Просвет в глухом лесу напоминал оконный проем, отсюда пошло и название» [3].

Фольклорная история селения не противоречит энциклопедической информации: «Терезе» (окно) – такое название пожелали дать новоселы, которым выпало счастье забить первый кол будущего просторного села. Осенью 1921 г. из Большого Карачая сюда прибыли 10 семейств и поселились на левом берегу реки Подкумок. Поспешно строились землянки на зиму. В числе первых переселенцев были Тамбиев Хаджи-Бекир, Пиляров Шамиль, Богатырев Даулет-Герий, Кечеруков Матай. К весне 1922 г. здесь насчитывалось 40 дворов-землянок. И с каждым днем увеличивалось население, прибывали поселенцы,

главным образом из аулов Хурзук, Уччулан, Карт-Джурт, Верхняя и Нижняя Мара, также из села Схауат» [8, с. 345].

Человеку свойственно одомашнивать окружающий его природный мир. Благодаря житейскому опыту и хозяйственной деятельности он «как свои пять пальцев» знает особенности близлежащей территории. К примеру, наблюдая из года в год за теплыми скалами, на которых снег не задерживается, он присваивает им имя «Карджаумаз» – от слов кьар «снег» + джаумаз «не выпадает» [8, с. 242].

Горец хорошо изучил специфику животного мира в среде своего обитания – отсюда зоонимические топонимы «*Кийикли кьол*» («Поляна диких животных») [8, с. 215], «*Элкьуш*» («Селение орлов») [8, с. 425], «*Кьаплан дорбун*» («Пещера тигра») [8, с. 232], «*Кёгюрчюн кьаяла*» («Голубиные скалы») [8, с. 212], «*Кьузгьун кьая*» – «Воронья скала») [8, с. 259], «*Кьоян кьулакь*» («Заячья балка») [8, с. 258], «*Кьуш уя*» («Орлиное гнездо») [8, с. 262], «*Жылан суу*» («Змеиная вода») [8, с. 198], «*Жылкьычы чат*» («Ложбина табунщика») [8, с. 193], «*Джумарыкьлы тёбе*» («Холм уларов») [8, с. 190], «*Джугьутурлу тьюбю*» («Турье низовье») [8, с. 190] и др.

По той же логике создаются и фитотопонимы, в основе которых лежит информация о произрастающих на данной местности деревьях, кустарниках, цветах. К примеру, одна из живописных полян между Аксу и Карасу в верховьях г. Нальчика носит название «*Кьалиярлы*» («Черемшное») [8, с. 230]. Другие фитотопонимы – «*Кьамишли*» («Камышовый») [8, с. 238], «*Залыкьылды*» («Рододендрон») [8, с. 199], «*Кертмели тала*» («Грушевая поляна») [8, с. 211], «*Кьудору*» («Фасолевый») [8, с. 258], «*Джеркли кьол*» («Ольховая балка») [8, с. 185] и др.

Вторую, весьма обширную группу топонимических преданий составляют так называемые антропоцентрические нарративы, выстроенные вокруг человеческого имени. Особенностью этих текстов является то, что в них названо имя какой-либо реальной личности, которая имела непосредственное отношение к номинации данного геоландшафтного или социокультурного объекта.

В энциклопедическом словаре С.А. Хапаева «Географические названия Карачая и Балкарии» приводится более сотни топонимов и микропонимов, семантически привязанных к деятельности человека. Среди них «*Айбазланы дорбун*» – «Пещера Айбазовых», «*Байчораланы Азамат-Герийни кьошу*» – «кошара Байчорова Азамат-Герия», «*Чеппелеуню тирмени*» – «мельница Чёпеллеу», «*Чёпени шауданы*» – «родник Чёпе», «*Байболатны кёпюрю*» – «Мост Байболата» и т.п.

За каждым такого рода микропонимом, как правило, стоит определенная история о творческой деятельности человека, который оставил после себя некий культурно освоенный или созданный им артефакт (родник, мост, мельница, дорога, кошара, крепость и т.д.).

В качестве примера приведем топоним (ойконим) «Хасанья», история возникновения которого, согласно сохранившимся преданиям, связана с именем конкретного человека. Начнем с того, что пос. Хасанья расположен в четырех километрах к югу от Нальчика с населением около 10 тыс. человек. Согласно преданию, «охотник по имени Хасан из Холамо-Безенгийского ущелья возле Орак-Тёбе поставил кош, где содержал несколько дойных коров. Айраном он угощал всех, кто проходил мимо его коша.

Однажды посетил кош человек, не владеющий балкарским языком, и задержался на несколько недель. Хасан привык к гостю, сдружился с ним. Часто поручал ему скот, хозяйство и отлучался на день-два, а то и больше.

Приходили в кош люди, находили покой, уют, а уходя, спрашивали:

- Бу кимни кьошуду? (Чей это кош?)

- Хасан юй, - отвечал гость.

Видимо, Хасан ему пояснил, что жилье на балкарском языке называется «юй», и он это запомнил. Со временем «Хасанны юйю» превратился в «Хасан-Уя, а затем в «Хасанья» [7, с. 18].

Что касается летоисчисления Хасаньи, то старожилы «днем рождения» поселка называют конец XIX в. Фольклорист Д. Таумурзаев в результате исторических изысканий выявил интересные факты, опосредованно связанные с Хасаньей. Он пишет: «Осенью 1395 года между войсками Тамерлана и Тохтамыша произошло сражение. Было это чуть выше селения Хасанья, местечко называлось *Астанат*. Транскрипция состоит из трех слов: *аз-танг-атханда*. Экспромтом это можно перевести: «Рано утром, когда озаряется восток». Если верить народным преданиям, то Астанат издревле был поселением балкарцев» [7, с. 22]. В 90-годы XX столетия, когда началась мода на переименование населенных пунктов, часть хасаньинцев, включая самого Д. Таумурзаева, высказывали мнение о целесообразности возвращения Хасанье древнего названия «Астанат».

Журналист и этнограф Х. Османов с ссылкой на сказителей появление ойконима «Хасанья» увязывает с эпохой нартов. Приведем отрывок из его монографии «Граничный камень времени» в переводе на русский язык: «Жил-был один из потомков нартов по имени Хасан. Он был очень умным. Люди прислушивались к нему. Даже из дальних аулов приходили к нему горцы для разрешения спорных вопросов. У путника, бывало, спрашивали: «Ты откуда, куда идешь?». В ответ слышали: «Иду к Хасану, возвращаюсь из Хасанового имения (гнезда)». Таким образом, село получило название «Хасан-уя», что в переводе означает «Гнездо Хасана» [5, с. 56]. Согласно дальнейшим расследованиям Х. Османова, на территории современной Хасаньи в XIII веке войска Чингиз-хана и хана Батыея вступали в бой с местным населением. Много людей пострадало и от вторжения полчищ Хромого Тимура (Тамерлана). По свидетельству этнографа, вплоть до возвращения балкарцев из Средней Азии в окрестностях села сохранялись места захоронений погибших с надгробиями. Но позже село стало расширяться, и на месте этих курганов были возведены жилища. Как отмечает Х. Османов, эти места перевидали много бед, связанных с эпидемиями чумы, холеры, многочисленными военными столкновениями. «Хасанья девять раз разорилась до основания и девять раз возрождалась» [5, с. 56], – отмечает автор.

Особенности религиозного мировоззрения карачаево-балкарского народа также нашли отражение как в микропонимах, так и в топонимических преданиях. Сохранились природные и рукотворные объекты, маркированные печатью языческих пантеистических верований, христианства и мусульманства. Как яркий знак языческой культуры в народной памяти балкарцев оставалось Священное дерево Раубазы (дикая груша), произраставшее в сел. Шаурдат в верховьях Черекского ущелья. Судя по преданиям, горцы боготворили Раубазы, поклонялись ему, под кроной оставляли жертвоприношения, обращались с различными просьбами о земных и духовных благах. После принятия ислама Раубазы Терек был срублен мусульманскими миссионерами в 1914 г. Сохранились многочисленные рассказы старожилов Верхней Балкарии о том, как потрясенные люди плакали от горя и как священные предметы подбирали щепки, отлетавшие от топора. В карачаево-балкарском фольклоре бытует сходная драматическая история, связанная с Джангыз Терек – Священной сосной.

«Значительный вклад в формирование топонимии региона внесли византийские и грузинские миссионеры, усилиями которых на Северный Кавказ проникло христианство, пришедшее на смену язычеству. Сегодня в карачаево-балкарской мусульманской среде сохранилось немало топонимов, отражающих период христианства на территории Карачая и Балкарии (*Бабас-Сабан* «попа пашня», *Жор* «крест», *Жора-Ырхысы* «креста обрыв (поток)», *Тотур* «Святой Федор», *Къач* «крест», *Бай-Къачы* «богача, хозяина крест», *Аштотур-таш* «камень святого Федора», *Байрам-Таш* «священный камень» (в трех местах), *Байрым-Тёбе*, *Байрым-Тюз*, *Сынты* «синод», *Никкола-Башы* «святого Николая верховья», *Никкол-ташы*, *Байрым-Къышлыкъ* «зимовье святой Марии») [8, с. 510].

С.А. Хапаев в своем энциклопедическом словаре приводит несколько любопытных микропонимов, которые были вызваны к жизни явлениями первоначальной конфронта-

ции между самоутверждающимися на Северном Кавказе исламом и другими верованиями. Вот некоторые из этих микротопонимов: «*Кяфар (Капыр), Капыр-Шауданла* «иноверцев родники», *Хаджиле-букган* «где хаджи (святые) прятались», *Межгит-Дорбун* «пещера-мечеть», *Эфенди-кая* – «скала эфенди» [8, с. 511].

В 1997 году 5 августа нам удалось записать со слов карачаевского сказителя Д.И. Тебуева предание о Къыбыла-Къаясы – остроконечной скале, расположенной вблизи бывшего села Кызыл Карачай на правом берегу реки Аксаут. Приведенное нами словосочетание состоит из двух лексических единиц: «Къыбыла» – юг, направление на Мекку, которое каждый правоверный мусульманин должен соблюдать при совершении намаза; къая – горная скала.

Как рассказывает Д.И. Тебуев (р. 1930), «во времена, когда шел многотрудный процесс утверждения ислама на Северном Кавказе, у населения были сложности с определением мекканского направления. Не всегда люди знали, в какую сторону поворачивать молитвенный коврик. Тогда не было у простых людей ни часов, ни компасов с указателями четырех сторон света. С этой проблемой сельчане обратились к прибывшему из Дагестана священнослужителю по фамилии Алиев. Старец, сложив ладони козырьком, стал вглядываться в южную даль и, заметив среди лесных отрогов приметный скальный выступ, провозгласил: «Ма бу къая болсун сизге белги!» (Пусть эта скала будет вашим ориентиром!). Таким образом, скала получила название «Къыбыла Къаясы» и долгие годы служила своеобразным пространственным знаком для жителей села» [Личный архив автора].

Четвертую, достаточно многочисленную группу карачаево-балкарских микротопонимов составляют географические названия, «возникшие в связи с происходившими событиями» [4, с. 101]. Событие событию – рознь, и, на первый взгляд, кажутся несопоставимыми по исторической значимости топонимы «*Акъсакъ-Темирни кёчюю*» (Хромого Тимура брод) [8, с. 90] и «*Арба сынган кьол*» (Балка, где сломалась арба) [4, с. 103], однако тут следует учесть, что для горцев-животноводов, живущих простым крестьянским трудом, маркировка опасной тропы не менее важна, чем маркировка места переправы всемирно известного полководца. Приведем несколько таких событийных топонимов: «*бёрю кьозлагъан*» (где оценилась волчица) [4, с. 103], «*Хажибийни чана басхан (жол)*» (где Хажбия задавили сани) [4, с. 104], «*къойла кюйген*» (где сгорели овцы) [4, с. 104], «*къой сюрюлген*» (где угнали овец) [4, с. 104], «*къонакъ кетген*» (место, где гость сорвался со скалы) [8, с. 254], «*къызыл партизанла кьырылгъан тала*» (поляна, где погибли красные партизаны) [8, с. 265]. За каждым из этих необычных топонимических комплексов с глагольной основой кроется предание, сохранившееся в памяти местных жителей.

Интересно отметить и такой факт, что со временем могут меняться рельеф местности, изгиб реки, форма ледника, состав населения, предопределяющие появление новых топонимических единиц и связанных с ними преданий. Приведем несколько характерных примеров. В Верхней Балкарии (местечко Уштулу) один из опасных водоворотов реки Черек с конца XX века местное население стало называть «стиралкой» или «стиральной машиной». Словом «Бешенка» жители сел. Белая Речка в последнее время стали именовать устье одноименной реки за «крутой нрав» в период дождей. Не менее яркий пример представляет знаменитый ледник на горе Донгуз-Орун-Баши (Приэльбрусье), который после наростов льда стал напоминать по своей конфигурации «семерку». Так появился топоним «Семерка», популярный среди альпинистов и туристов. Эти факты показывают, что при всей константности в целом топонимическая система подвержена некоторым видоизменениям и новообретениям.

Суть столь распространенного в мировой и региональной географии явления, как топонимический палимпсест, когда происходит многократное переименование объекта, в данной статье можно показать на примере Карачаевска – города, который «за период с 1920 г. по 1957 г. шесть раз менял свое имя: Теберди Аягы, Ташкёпюр, Каменноостск, Микоян-Шахар, Клухори» [8, с. 239]. Самое первое название было природно-гидронимическим и главным образом указывало на место расположения населенного пункта – в устье реки

Теберда. В 1925 г. село было преобразовано в город и получило более урбанизированное название Каменный Мост (Ташкёпюр). Далее вступили в силу соображения политического характера, и в 1929 г. по постановлению Карачаевского облисполкома город получил новое официальное название Микоян-шахар в честь известного советского политического деятеля А.И. Микояна (1895-1978).

«В 1943 г. в результате произвола в период культа личности Сталина была упразднена Карачаевская АО, и все карачаевцы были высланы в Среднюю Азию и Казахстан, значительная территория Карачаевского р-на была передана Грузии, город переименовали в Клухори. После возвращения карачаевцев из ссылки, 9 января 1957 г., Указом Президиума Верховного Совета СССР Клухори был переименован в Карачаевск» [8, с. 239]. Так, на примере «биографии» одного отдельного взятого города можно увидеть особенности топонимического палимпсеста.

Таким образом, характерной особенностью карачаево-балкарской топонимической системы является ее детализированная номинированность, обусловленная малоземельем и повышенным вниманием горцев к каждому природному или рукотворному объекту. Отсюда – большое количество преданий с раскодировкой этнических топонимов и микропонимов. С опорой на труды карачаево-балкарских фольклористов нами рассмотрено более ста топонимических преданий, которые тематически подразделяются на четыре большие группы: натурогенные (отражающие природно-географические особенности объекта); антропоцентрические (связанные с именем исторической личности); теологические (с религиозной сюжетикой) и событийные (связанные с историческим событием). Топонимические предания являются ценным источником информации о жизни северокавказских горцев, их национальной истории и особенностях практического и духовного бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Басангова Т.Г.* Мифы, легенды и предания калмыков. М.: Наука. Восточная литература, 2017. 367 с.
2. Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПК «Интелвак», 2003. 1600 с.
3. Личный архив автора.
4. *Мусукаев Б.Х.* Очерки балкарской ономастики. Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2007. 171 с.
5. *Османов Х.Л.* Заманны кьадау ташы (Граничный камень времени). Владикавказ, 2019. 312 с.
6. *Пропп В.Я.* Русская сказка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 336 с.
7. *Таумурзаев Д.* Голлу: карачаево-балкарские легенды. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2009. 600 с.
8. *Хапаев С.А.* Географические названия Карачая и Балкарии: научно-популярное издание. М.: 2013. 576 с.

REFERENCES

1. *Basangova T.G.* *Mify, legendy i predaniya kalmykov* [Myths, legends and traditions of Kalmyks]. M.: Science. Oriental literature, 2017. 367 p.
2. *Literaturnaja jenciklopedija terminov i ponjatij* [Literature encyclopedia of terms and concepts]. M.: NPK "Intelvak", 2003. 1600 p.
3. *Lichnyj arhiv avtora* [Personal archive of the author].
4. *Musukaev B.H.* *Ocherki balkarskoj onomastiki* [Essays on the Balkar Onomastics]. Nalchik: Publishing House of KBSC of RAS, 2007. 171 p.
5. *Osmanov H.L.* *Zamanny k'adau tashy (Granichnyj kamen' vremeni)*. [Boundary stone of time]. Vladikavkaz, 2019. 312 p.

6. Propp V.Ja. *Russkaja skazka [Russian fairy-tale]*. L.: Publishing house of Leningrad State University, 1984. 336 p.

7. Taumurzaev D. *Gollu: karachaevo-balkarskie legendy [Gollu: Karachay-Balkar legends]*. Nalchik: Publishing House M. and V. Kotlyarov, 2009. 600 p.

8. Hapaev S.A. *Geograficheskie nazvaniya Karachaja i Balkarii: nauchno-populjarnoe izdanie [Geographical names of Karachay and Balkaria: popular science publication]*. M.: 2013. 576 p.

SPECIFICITY OF KARACHAY-BALKAR TOPONYMIC LEGENDS

B.A. BERBEROV

Institute of Humanitarian Researches –
branch of the FSBSE “Federal Scientific Center
“Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”
360000, KBR, Nalchik, 18, Pushkin street
E-mail: kbigi@mail.ru

At the intersection of folklore and geography, the author examines the epistemological potential of Karachay-Balkar toponymic legends, which reflect important information about the history of the people, migration, religious beliefs, features of spiritual and material culture. According to the thematic content, all toponymic legends are divided into four main groups; natural, anthropocentric, religious and based on a certain event. Natural are the legends that explain the geophysical characteristics of the object. Anthropocentric legends are associated with the name of a certain historical person, which is directly related to the creation of a cultural object. Religious ones reflect pagan, Christian or Muslim beliefs of the highlanders. Event toponymic legends, as a rule, tell about some remarkable incident, imprinted in the name of a natural or man-made object (rock, pass, bridge, ford, etc.). An important place in the article is given to the phenomenon of toponymic palimpsest, which means spontaneous or pragmatic renaming of toponymic units. All theoretical positions in the article are supported by illustrative material. In some cases, the author used materials from the personal archive.

Keywords: Karachay-Balkar folklore, toponymy, legend, classification, natural, anthropocentric, theological, event, toponymic palimpsest, historical memory.

Работа поступила 29.07.2019 г.